

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш.Ш.УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ
ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«EDU.E-HISTORY.KZ»

ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

№ 3(23) шілде-қыркүйек 2020
ISSN 2710-3994

Бас редактор:
Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы

Редакциялық алқа:

- Абашин Сергей Николаевич – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Санкт-Петербургтегі Европа университеті (Ресей)*
- Абдырахманов Толобек Абылович – тарих ғылымдарының докторы, профессор, И. Арабаев атындағы Қызғыз мемлекеттік университетінің ректоры. (Қырғызстан)*
- Аяған Бүркітбай Ғелманұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары. (Қазақстан)*
- Әлімбаев Нұрсан – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік музейінің директоры. (Қазақстан)*
- Әбусейтова Меруерт Қуатқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі. ҚР БҒМ ҒК Р. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының «Тарихи материалдарды зерттеу» орталығының директоры. (Қазақстан)*
- Әбіл Еркін Аманжолұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан)*
- Голден Кэтті Стромайл (Kathie Stromile Golden) – PhD, Миссисипи өңірлік мемлекеттік университеті (Mississippi Valley State University) (АҚШ)*
- Кәрібаев Берекет Бақытжанұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Қазақстан тарихы» кафедрасының меңгерушісі. (Қазақстан)*
- Қожамжарова Дария Пернешқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің ректоры. (Қазақстан)*
- Кожирова Светлана Басиевна – саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры (Қазақстан)*
- Козодой Виктор Иванович – тарих ғылымдарының докторы, профессор. (Ресей)*
- Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан)*
- Көмеков Болат Ешмұхамедұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қытшақтану институтының директоры, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)*
- Матыжанов Кенжехан Ісләмжанұлы – филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институтының директоры. (Қазақстан)*
- Моррисон Александр (Morrison Alexander) – PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания)*
- Муртазаева Рахборхон Хамидқызы – тарих ғылымдарының докторы, Мирзо Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті «Өзбекстан тарихы» кафедрасының профессоры. (Өзбекстан)*
- Панто Дмитрий (Panto Dmitri) – PhD доктор, Гданьск қаласындағы Екінші дүниежүзілік соғыс мұражайының ғылыми қызметкері. (Польша)*
- Римантас Желвис (Želvyys Rimantas) – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті (Литва)*
- Самашев Зайнолла Самашұлы – археолог, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Герман археология институтының корр.-мүшесі. ҚР БҒМ ҒК Ә. Марғұлан атындағы Археология институты. (Қазақстан)*
- Сайлан Болат Санабайұлы – тарих ғылымдарының докторы, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. (Қазақстан)*
- Смағұлов Оразақ Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)*
- Сыдықов Ерлан Бәтташұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры. (Қазақстан)*
- Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)*

Жауапты редактор:
Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы

Ғылыми редактор:
Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы

Редактор:
Кубеев Рустем Жаулыбайұлы

Жауапты хатшы:
Қоңқабаева Арайлым

Техникалық хатшы:
Хумарзах Алтынбек

Главный редактор:
Кабульдинов Зиябек Ермуханович

Редакционная коллегия:

- Абашин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)*
- Абдырахманов Толобек Абылович – доктор исторических наук, профессор, ректор Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева (Кыргызстан)*
- Алимбай Нурсан – кандидат исторических наук, профессор, директор Центрального государственного музея Республики Казахстан (Казахстан)*
- Абусеитова Меруерт Хуатовна – доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Республиканского центра по изучению исторических материалов Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)*
- Абиль Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МОН РК (Казахстан)*
- Аяган Буркитбай Гелманович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории государства КН МОН РК (Казахстан)*
- Голден Кэത്തി Стромайл (Kathie Stromile Golden) – PhD, Государственный университет долины Миссисипи (Mississippi Valley State University) (США)*
- Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан)*
- Карибаев Берекет Бахытжанович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий кафедрой истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан)*
- Кожамжарова Дария Пернешовна – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Южно-Казахстанского университета им. М.Ауэзова (Казахстан)*
- Кожирова Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований (Казахстан)*
- Козодой Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор (Россия)*
- Кокебаева Гульжаухар Какеновна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова КН МОН РК (Казахстан)*
- Кумеков Болат Ешимхамбетович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Международного института кипчаковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан)*
- Матыжанов Кенжехан Слямжанович – доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова (Казахстан)*
- Моррисон Александр (Morrison Alexander) – PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания) Муртазаева Рахборхон Хамидовна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории Узбекистана» Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека. (Узбекистан)*
- Панто Дмитрий (Panto Dmitri) – доктор PhD, профессор, главный специалист научного отдела Музея Второй мировой войны г. Годаньска (Польша)*
- Римантас Желвис (Želvyys Rimantas) – доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет (Литва)*
- Самашев Зайнолла Самашевич – археолог, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. Германского археологического института. Институт археологии им. А.Маргулана КН МОН РК (Казахстан)*
- Сайлан Болат Санабаевич – доктор исторических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан)*
- Сыдыков Ерлан Батташевич – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан)*
- Таймагамбетов Жакен Кожажметович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК (Казахстан)*

Ответственный редактор:
Каипбаева Айнагуль Толганбаевна

Научный редактор:
Козыбаева Махаббат Маликовна

Редактор:

Кубеев Рустем Джаулыбайулы

Ответственный секретарь:
Конкабаева Арайлым Нурболатовна

Технический секретарь:
Хумарзах Алтынбек

Editor-In-Chief:

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich

Members of editorial board:

Abashin Sergei Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, European University at St. Petersburg (Russia)
Abdyrakhmanov Tolobek Abylovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of I. Arabaev Kyrgyz State University (Kyrgyzstan)

Alimbay Nursan – Candidate of Historical Sciences, Professor, Director of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Abusseitova Meruert Khuatovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of the Republican Center for the Study of Historical Materials at R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)

Abil Yerkin Amanzholovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan)

Ayagan Burkhitbai Gelmanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan)

Golden Kathie Stromile – PhD, Mississippi Valley State University (USA)

Ismagulov Orazak Ismagulovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University (Kazakhstan)

Karibayev Bereket Bakhytzhonovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Kozhamzharova Daria Perneshovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the Republic of Kazakhstan, rector of the M. Auezov South Kazakhstan University (Kazakhstan)

Kozhirova Svetlana Bassieva – Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies (Kazakhstan)

Kozodoi Viktor Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, chief researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MES RK (Kazakhstan)

Kumekov Bolat Eshmukhambetovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the International Institute of Kipchak Studies of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)

Matyghanov Kenzhekhan Slyamzhanovich – Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of M. Auezov Institute of Literature and Art (Kazakhstan)

Morrison Alexander – PhD, Professor, University of Oxford (UK)

Murtazayeva Rakhborkhon Khamidovna – doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of «History of Uzbekistan» of Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan. (Uzbekistan)

Panto Dmitri – PhD, researcher at the Museum of the Second World War in Gdansk (Poland)

Rimantas Želvys – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University (Lithuania)

Samashev Zainolla Samashevich – archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of German Archaeological Institute. A. Marghulan Institute of Archeology CS MES RK (Kazakhstan)

Sailan Bolat Sanabayevich – Doctor of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Sydykov Erlan Battashevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Executive Editor:

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna

Scientific Editor:

Kozybayeva Makhabbat Malikovna

Editor:

Kubeyev Rustem Dzhaulybayevich

Executive Secretary

Konkabayeva Arailym Nurbolatovna

Technical secretary:

Khumarzak Altynbek

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИИ НАСЕЛЕНИЕМ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Ауэзов Е.К.¹, Сыдыков А.Ж.², Крупко И.В.³

^{1,2,3}Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО при Министерстве культуры и спорта РК.

Аннотация. *Введение.* Распространена точка зрения, что ислам в Жетысу стал широко распространяться в XIV–XV вв. Это произошло, когда суннизм ханафитского толка официально признанный правящими домами Джучи и Чагатай. Важную роль в этом сыграли суфийские проповедники. Исключительная заслуга в этом у суфийского ордена Яссавийа. Как результат проповеднической деятельности суфиеев в XVI–XVII вв в Жетысу сложилась уникальная синкретическая культура, вобравшая в себе ислам и домусульманские традиции местного населения называемые «народным исламом». Она отвечала объективным социальным и этническим процессам, происходившим в казахском обществе. В исторической памяти современного казахстанского общества религиозная идентичность связывается, в первую очередь, именно с исламом, выполняя этнодифференцирующую функцию, несмотря на то, что религии откровения («религии книги», авраамические религии) принципиально отличаются от традиционных открытостью к своим потенциальным адептам из любой этнической группы. Чаще всего в широких массах ислам фигурирует как неотъемлемая часть культурного, символического, а иногда и политического капитала, являясь важным элементом этнонациональной идентичности. Истоки этого лежат в исследуемом в рамках настоящей статьи, процессе.

Ключевые слова: суфии, народный ислам, Яссавийа, ханафитского, суннизм

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОНТҮСТІК-ШЫҒЫСЫНДАҒЫ ХАЛҚЫНЫҢ ИСЛАМ ДІНІН ҚАБЫЛДАУЫ ТУРАЛЫ

Ауэзов Е.К.¹, Сыдыков А.Ж.², Крупко И.В.³

^{1,2,3}ҚР Мәдениет және спорт министрлігі ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы

Аңдатпа. *Кіріспе.* XIV–XV ғасырда Жетісуда ислам діні кең тарала бастады. Бұл әсіресе ресми түрде Жошы мен Шағатай басқаратын ұлыстарда болды. Мұнда негізінен сопылық уағыздаушылар маңызды рөл атқарды. Бұның бірден бір көрінісі Яссауишылар ордені. XVI–XVII ғасырларда сопылардың уағыздау қызметінің нәтижесінде Жетісуда ислам мен жергілікті халық алдындағы мұсылмандық дәстүрді игеріп, «халықтық ислам» деп аталатын синкретикалық мәдениет қалыптасты. Ол қазақ қоғамында орын алған объективті әлеуметтік және этникалық үдерістерге жауап берді. Қазіргі қазақстандық қоғамның тарихи санасында діни бірегейлік, ең алдымен исламмен байланыстырылады, өйткені жасырын діндердің ("кітап діндері", авраамиялық діндер) дәстүрлі ашықтығымен кез келген этникалық топтың әлеуетті жақтаушыларынан мүлдем ерекшеленетініне қарамастан, этнодифференциялаушы функцияны орындай отырып, кез-келген этностық топтың дәстүрлі ашықтығымен түбегейлі ерекшеленеді. Көбінесе ислам, көпшілік арасында, этно-ұлттық бірегейліктің маңызды элементі бола отырып, мәдени, символдық және кейде саяси капиталдың ажырамас бөлігі ретінде көрінеді. Мұның бастауы осы мақаланың шеңберінде зерттелетін процесте жатыр.

Түйін сөздер: суннизм, сопы, Яссауишылар, халықтық ислам.

ON THE ISSUE OF THE ADMISSION OF THE ISLAM BY THE POPULATION OF THE SOUTH-EASTERN KAZAKHSTAN

Auezov E.K.¹, Sydykov A.Zh.², Krupko I.V.³

^{1,2,3}Centre for the Rapprochement of cultures under the auspices of UNESCO to the Ministry of culture and sport. Kazakhstan, Almaty.

Abstract. Introduction. There is a widespread point of view that the Islam became widespread on the territory of the Zhetysu Region during XIV-XV centuries. It happened, when the Hanafi Sunni Islam was admitted by the dominant houses of Jochi and Chagatai. An important contribution to it was made by Sufi missionaries. One of the leading roles was played by Sufi Order of Yassawiyya. As the result of the Sufi missionary activities on the territory of the Zhetysu Region during the XIV-XV centuries there was a unique syncretistic culture, which included Muslim and pre-Muslim traditions of the local communities called ‘Popular Islam’. It corresponded to some objective social and ethnic processes that were taken place inside the Kazakh community. In the historical memory of modern Kazakhstani society, religious identity is associated primarily with Islam, performing an ethno-differentiating function, despite the fact that the religions of revelation (“book religions”, Abrahamic religions) fundamentally differ from traditional religions by their openness to their potential adherents from any ethnic groups. Most often, in the masses, Islam appears as an integral part of cultural, symbolic, and sometimes political capital, being an important element of ethno-national identity. The origins of this lie in the process investigated in the framework of this article.

Keywords: Hanafi Sunni Islam, Sufi, Yassawiyya, popular Islam.

Введение

Согласно исторической традиции считается что, ислам пустил прочные корни в Жетысу еще в предмонгольское время (История Алматы, 2006: 198). Однако, ввиду отсутствия надежных свидетельств, особую историческую проблему представляет хронология проникновения ислама в среду кочевых родоплеменных объединений, населявших эту территорию в постчингисовскую эпоху. При этом необходимо подчеркнуть, что ислам прививался, прежде всего, в среде ханов и султанов, которыми затем он и распространялся.

Материалы и методы

Методологической базой исследования в настоящей статье является: религиоведение, сравнительно-исторический метод, позволяющий поместить локальную историю распространения ислама в Жетысу в региональный и мировой контекст, а также культурная антропология, методами которой нами было установлено, что ислам в Жетысу (и, шире говоря, на территории Великой степи) может быть дифференцирован по социальному признаку: мусульманская религия оставалась во-многом важной характеристикой идентичности военно-политических элит, нужной им для налаживания дипломатических связей с более исламизированными странами, а для широких масс ислам долгое время оставался синкретичной составной частью мировоззренческого канона, примеры чего приведены ниже.

Обсуждение

Согласно наиболее распространенной точке зрения, ислам был официально введен восточной части улуса Чагатайпри Туглук-Тимур-хане (1328-1362), основателе Могулистана. Начатая им политика исламизации населения Могул-улуса была продолжена при его преемниках, особенно во время ханствования его внука Мухаммад-хана (1408-1416). Вот что сообщает об этом автор «Тарих-и Рашиди»: «Мухаммад-хан был могущественным правителем, хорошим справедливым мусульманином. Он приложил много усилий для того, чтобы большая часть улуса могулов в его благословенное время приняла ислам. Он проявил чрезмерную стойкость в деле распространения ислама». В результате, спустя несколько лет после этих событий, могущественный сановник могульского государства эмир ХудайдадДуглат в беседе с тимуридом Улугбеком, попросившим обучить его торе (традиционному своду законов, яссе), имел основание заявить: «Мы полностью отказались от тора Чингис-хана и стали следовать шариату» (Мухаммад Хайдар, 1999: 69). Тем не менее, как отмечал Ч.Ч. Валиханов, даже в середине XV в. при правлении Юнус-хана «мусульмане Мавераннахра считали могулов за неверных и обращали пленных в рабство» (Валиханов, 1985: 15). Но, во всяком случае, уже во время ханствования его сына Султан Махмуда, как свидетельствуют источники, Могулистан прочно входил в систему мусульманских политических образований как ее полноправный и полноценный компонент.

Что касается той части «узбек-казахских» племен, которые перекочевали в Жетысу вместе с будущими основателями Казахского ханства султанами Джанибеком и Кереем из улуса Абулхайр-хана, то можно предположить, что их мусульманизация была начата в первой половине XIV в., в эпоху Узбека (1312-1341), и закреплена в конце XIV – начале XV в. в результате активной конфессиональной политики, проводимой знаменитым беглярбеком Золотой орды Едиге. Весьма любопытны и сведения, относящиеся к тому же времени, об активизации миссионерской деятельности известного суфийского братства бухарского шейха ходжи Баха-ад-Дина Накшбанди (1318-1389), отправившего на берега Иртыша 366 конных шейхов с многотысячным воинством, которые «учинили так великое сражение за веру» с «язычниками».

Таким образом, говорить о какой-то конкретной дате проникновения ислама в регион Жетысу весьма проблематично. Окончательное же его утверждение в крае, по всей вероятности, происходит во второй половине XV – начале XVI в. и тесно связано с процессом формирования основного ядра казахского народа в рамках образования Казахского ханства. Именно к этому периоду относится свидетельство путешественника и богослова Фазлаллаха ибн Рузбихана о том, что «казахи читают Коран, исполняют молитвы, отдают детей своих в школу, постятся, вступают в брак и вовсе не женятся без брачного договора» (Рузбихани, 1976: 106).

Относительно ортодоксально-нормативной направленности ислама той поры, то им являлся суннизм ханафитского толка, поскольку именно этот мазхаб признавали в качестве официального ханы из правящих домов Джучи и Чагатай.

Важную роль в распространении мусульманской религии среди населения Жетысу сыграли суфийские проповедники. Так, упомянутого выше Туглук-Тимур-хана обратил в веру восточно-туркестанский муршид Маулана Рашид-ад-Дин, потомок одного бухарского шейха, по преданию вывезенного за святость Чингис-ханом в Каракорум; принятие веры золотоордынским ханом Узбеком, по одной из агиографических версий, связано с именем яссавийского святого Сайид-ата, бывшего учеником знаменитого Зенги-ата. О достаточно высоком статусе, которым обладали суфии в обществе в начале XVI века, свидетельствует история о том, что основатель Империи Великих Моголов ферганский тимурид и сородич могулистанских ханов Бабур посетил двор делийского султана Сикандара Лоди с обритой головой (как простой дервиш) и целой свитой каландаров, то есть в образе короля в одеянии нищего, восходящего к традициям раннего арабского суфизма.

В XII–XVI вв. суфизм был самым крупным и влиятельным философско-теософическим течением ислама на Ближнем и Среднем Востоке, вобравшим в себя элементы религиозного сознания, истории, философии, космогонии, мифологии и других сфер творческого и научного мышления, одним из цветущих центров которого являлась Центральная Азия, считающаяся колыбелью таких значительных суфийских конгрегаций (тарикатов), как яссавийа, ходжагон-накшбандийа, кубравийа и ишкийа. Как и в других областях распространения суфизма, в Центральной Азии и Южном Казахстане он выражал в значительной степени общественное сознание демократических слоев общества, их помыслы, чувства и настроения. По одному из определений, суфизм есть «особое мистическое, религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта непосредственное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством. Оно достигается путем экстаза или внутреннего озарения ниспосланных человеку, идущему по «пути» к Богу» (Суворова, 1999: 206).

Этимология латинизированного слова «суфизм» (в оригинальном звучании «тасаввуф») восходит к арабскому корню с-(в)-ф, имеющему в раннесуфийских произведениях множество толкований (например, от слова «сафа») в значении «чистота», от рожаящего совершенство суфиев; либо от словосочетания «ахл ас-суффа» – «обитатели навеса», означающих бедных сподвижников Пророка; или от слова «сафф» – «ранг», выделяющих суфиев как наиболее праведных и т.п.). Однако наиболее распространенная версия происхождения этого термина возводится к слову «суф» – «шерсть», грубая шерстяная одежда, облачение в которую символизировало посвящение в суфии (отсюда производное «тасаввуф» – «обычай ношения шерстяного одеяния»). В Жетысу, как и во всей Центральной Азии, суфиев называли «сопы» или «ходжа» (персидское «хваджа» – «господин»); мистики-мыслители были известны как «мудрецы» («хукама», ед. ч. «хаким»), мистиков-практиков часто называли «бедняками» (араб. «фукара», ед. ч. «факир»; перс. «дарвиш»). От иранского определения дарвиш происходит почтительное сравнение суфийских шейхов с вратами к Богу: «Дарвишан (дервиши) перестают быть ишан [«они», 3 лицо, множественное число]. Если бы они оставались ишан [были бы самим собой], то они не являлись бы дарвишан. Их имя показывает, кто они суть: кто ищет путь к Богу, должен держать его через дервишей, ибо врата к Нему – они, по-персидски: дар-и вай ишан» (Абу Саид Аби-л-Хайр. XI век). Отсюда берет начало наименование шейхов словами – ишан, баб (араб. «баб» – «врата» контаминировались с тюрко-монгольским «баба» – «дед, старец» – «ата»).

Яркий и выразительный пример такого представления о «божественной» миссии суфийского наставника, «устами» которого «глаголет Бог», приводится в рассказе Мухаммад Хайдара о примирении трех центрально-азиатских правителей ходжа Убайдуллахом: «Прибыв туда (под Ташкент, где сошлись враждующие стороны – авт.), Хазрат Ишан остановился в лагере Мирза Султан Ахмада и послал людей к хану [Могулистана] и Умар-Шейх-Мирзе. Никто не мог отклонить его, благословенной особы Ишана, предложение о мире: когда люди Аллаха достигают степени *фана* (фана – «уход», «уничтожение») и в них исчезает все, что есть в них от бренного мира сего, тогда истинным творцом всего, что ни исходит от них, является господь, преславный и всевышний... Этим трех падишахов, каждый из которых в погоне за своей целью снарядил войско и пришел сюда, он (Хазрат Ишан) успокоил... Оба они (султаны-тимуриды) прекратили свой спор, а Ташкент отдали Юнус-хану» (Тримингем, 1989: 4).

Приведенный отрывок подводит к пониманию одной из важнейших идей суфийского мировоззрения – концепции «совершенного человека» (инсанкамил), основанной на принципах антропоморфизма и представлениях о существовании человека, стоящего выше других людей и являющегося своего рода посредником между «людьми и богом». Класс «инсанкамил» «охватывает не только пророков от Адама до Мухаммеда, но и избранных из избранных (хусус аль хусус) суфиев, т.е. людей, называемых вместе аулийа (множественное число от вали). Вали

или «святой» является массовым типом «совершенного человека».

Однако в широких народных массах суфизм получил популярность не за свои интеллектуально-элитарные мировоззренческие основы, а, в первую очередь, за свою способность активного использования концептов и обрядов местных религиозных и культурных традиций. В частности, особо понятными для кочевников-скотоводов региона являлись установленные типологические черты сходства с древними тюрко-монгольскими шаманистическими представлениями и культами.

В качестве примера используем логику народного ислама более позднего периода XVIII-XIX вв., ставшего важным элементом культурной идентичности казахов и являвшегося реальным жизненным контекстом, успешно функционирующим в традиционной культуре. Будучи импортированной из арабского мира, исламская религия распространилась по территории современного Казахстана, органично сливаясь с локальными верованиями и культами, образуя синкретическую систему взаимодействия мусульманских символов и аутентичных магических практик. Однако иногда при наложении двух символических полей – исламского и аутентичного (символического поля «народной религии») – возникала зона несовпадения двух культур и их конфликт. В настоящей работе нас интересует только один пример этого конфликта, причиной которого был выход за границы хронотопа традиционной казахской культуры (магического контекста) исламских религиозных агентов, действовавших по сценарию религии, проводниками которой они были:

«..Нередко случается (я сам однажды имел возможность это наблюдать), что читающему Коран гостю-татарину предлагают покинуть юрту, так как в ней нет покойников и хозяин опасается, как бы чтение Корана не вызвало пагубные последствия. Бормоча проклятия, правоверный с искаженным презрением и насмешкой лицом вышел из юрты, уселся шагах в пятидесяти от нее и там продолжал чтение» (Радлов, 1989: 329).

«Киргизы тогда верили, что если во время лета наступят продолжительные дожди, а зимой – постоянные бураны, то это происходит от постоянного чтения муллами Корана, по поверию их т.е. народа, через то заряжается воздух. В одно время, зимою, когда Шуршала-мулда читал по умершим Коран, то чуть не подвергся пытке и сожжению» (Султангалиева, Далаева 2014: 307). Примеры далеко не единичны и подтверждаются фольклорными материалами). Попытки объяснения распространенности таких случаев были. Например Е.Бекмаханов, цитирует этот источник как доказательство слабого влияния ислама в регионе и объясняет это сохранившимся институтом «бақсы» т.е. невытесненностью исламскими служителями – казахских шаманов, продолжающих занимать ключевые позиции на религиозном поле (Бекмаханов, 1947: 390). Однако, на наш взгляд, дело не ограничивается только этим.

Приведенные примеры иллюстрируют базовую специфику народной религии (в данном случае «народного ислама»), главная функция которой – оформление отношений человека и реальности в точках наиболее интенсивного экзистенциального напряжения (рождение, смерть, свадьба, лечение больного и т.д.). Не менее важным является управление календарными обрядами, воспроизводящими космические циклы и поддерживающими порядок во вселенной мифологического мышления, а также различными магическими практиками, направленными на помощь индивиду и коллективу в повседневности (вызов дождя - «тасаттық», скапуломантия и т.п.). Все эти функции разделены между разными категориями служителей культа, магов, гадателей, проводников сакрального и др., отвечающих за разные сферы реальности. С распространением ислама на территории Казахстана (VIII-XIX вв.) часть этих функций берут на себя агенты мусульманской религии. Однако зона конфликта возникает, когда проводник сакрального (мулла), действия которого должны в соответствии с мифопоэзисом народной религии активизироваться только в случае чьей-либо смерти, рождения, потребности изменить погоду и т.д., выходит за пределы своих функций и продолжает действовать вне хронотопа

сакрального. Немедленной реакцией традиционной культуры на это является отторжение и вытеснение подобного несовпадения как опасной возможности возникновения ситуации (хронотопа), когда, к примеру, читать молитву по умершему действительно понадобится. Иногда контекст не так насыщен метафизикой, и люди просто иронично воспринимают служителей культа, превысивших свои магические полномочия: «Самые муллы, посылаемые в степь по делам народным, не смеют настоятельно им показать важность сего полезного и благотворительного учреждения, ибо, когда сии наскучат своим нравоучением, то плети и презрение соделаются неминуемою за сие наградою» (Гавердовский, 2005: 202) «Какое представление о святости религии и Корана имеют киргизы иллюстрирует лучше всего следующий случай, который произошел в Акмолинской губернии. Один киргиз, которого обвинили в краже скота, должен был поклясться перед судом, что у мусульман происходит так, что они, приложившись лбом целуют его. И когда призванный для приведения его к клятве мулла протянул ему Коран, тот, будучи явно в плохом настроении, схватил Коран, стал бить им по ушам священнослужителя до тех пор, пока Коран не превратился в клочья. В наказание за кощунственное осквернение святости Корана, оскорбление муллы и судебной палаты он был приговорен к покупке мулле нового Корана» (Шварц Ф., 2006: 180).

Не менее привлекательными представлялись и социально-этические принципы, пропагандируемые суфиями. «Высшая форма служения (Богу), – говорилось в кредо чиштиев и яссавийев, – это облегчить горе скорбящих, удовлетворить нужды беспомощных и накормить голодных». Подобные программные лозунги, подкрепленные практическими благотворительными деяниями, конечно же, более способствовали приобщению местного населения к исламу, нежели насильственные меры, применявшиеся неопитами-чингизидами.

В народе суфии почитались как чудотворцы, носители божественной благодати «барака» и святые праведники «аулийа» – посредники между людьми и Богом. В силу своей близости к простому люду, добровольной бедности и аскетического образа жизни суфии зачастую пользовались большим авторитетом, чем «официальные» знатоки религии (шейх-уль-исламы, улемы, кади и пр.), и поэтому власть имущие всячески пытались заручиться их поддержкой и даже становились их мюридами, тем самым приобретая известное «религиозное обаяние, которое она (т.е. светская власть) во все времена и всех народов считала для себя необходимым» (Мухаммад Хайдар, 1999: 69).

Так, в число мюридов известного шейха накшбанди-ходжагон Ходжа Искака Вали (ум. В 1598), прославившегося тем, что «подолгу жил среди язычников, снес восемнадцать киргизских и калмацких капищ и обратил в ислам восемнадцать тысяч неверных», вступил казахский хан Таукель со 120 сыновьями и султанами. История эта любопытна еще и тем, что последовавшие вскоре неудачи в сражениях и смерть этого хана приписываются проклятию святого ишана за его отступничество и измену. Чем же заслужил столь строгую кару этот энергичный и предприимчивый казахский властитель? Дело, скорее всего, заключалось в том, что Таукель-хан, прекрасно учитывая воздействие мусульманской доктрины на общественное сознание, используя религию как важное средство для укрепления государственности, вместе с тем в своей политике твердо и неуклонно следовал старой тюрко-монгольской традиции, утверждающей примат светской власти над духовной и воспринимавшей государство как чисто политическую общность. Такая политика, конечно же, не могла нравиться верхушке накшбандиев, важнейшим постулатом которых являлось вмешательство в светскую власть и понимавших государство в традиционной арабо-персидской модели, то есть как религиозно-политическую общину. Одним из подтверждений этого наступившего противоречия между орденом и политикой хана, наверное, может служить показательный исторический эпизод, когда могущественный джуйбарский шейх ходжа Мухаммад Ислам на просьбу султанов и эмиров оказать поддержку ставленнику Таукель-хана шейбаниду Узбек-султану, претенденту на бухарский трон, сославшись при этом на

ясу Чингис-хана, гордо ответил им: «Дервиши не повинуются законам Чингис-хана, а подчиняются только воле Аллаха». Последующие поколения казахских ханов придерживались старой тюрко-монгольской традиции, о чем свидетельствует принятое на рубеже XVII-XVIII вв. «Уложение хана Тауке», в котором считалось естественным право хана, получившего власть от Бога, издавать законы, которые основаны на обычаях народа (а не шариата) и определены потребностями государства. Примечательно, что одним из «нововведений» этого кодекса законов, основанного «на старых обычаях ханов Касыма и Есима», был параграф, уравнивающий меру ответственности за причинение вреда султану или ходже: «Кто убьет Султана или Ходжу, тот платит родственникам убитого кун за 7 человек. Обида Султана или Ходжи словами наказывается пенею в 9 скотин; а за побои 27 скотин» (Бартольд, 1966: 304).

Исключительную роль в исламизации населения Жетысу сыграл суфийский орден яссавийа, названный по имени ходжа Ахмета Яссави, нисба которого, в свою очередь, связано с названием его родного города Ясы, ныне Туркестан. Ходжа Ахмет Яссави (умер в 1166-67) был учеником знаменитого подвижника Абу Юсуфа ал-Хамадани (умер в 1140), который, в свою очередь, возводит свою духовную родословную к Абу Йазиду ал-Бистами. По другой родословной, его учителем был тюркский шейх Арыстан-Баб. Записанное на тюркском языке собрание подвижнических стихов ходжа Ахмета Яссави под названием «Мудрость» («Хикмет») стало идеологической и текстологической основой созданной им общины. В агиографической литературе Центральной Азии он представляется как глава машаих-и турк (тюркских шейхов), ставший синонимом термина «яссавийа». Характерным отличием ее мистической практики являлась традиция громкого зикра «зикр-и джахри» (зикр «помявание» – духовное упражнение с целью ощутить в себе Божественное присутствие; ритмичное, повторное помявание имен бога для достижения духовной сосредоточенности), иногда определяемая еще термином зикр-и арра, «зикр пилы», чтобы подчеркнуть особенность метода Яссави.

Одним из весьма значимых аспектов деятельности суфийских шейхов являлось проповедничество. В их проповеднической практике особенно выделялись такие стихотворные формы, как «латаиф» (ед.ч. «латифа») и «тафсиры», которые представляли собой как бы неканонические поэтические блиц-толкования к Корану, делая его понимание более доступным широким слоям населения, не знающего арабский язык.

«Характерной чертой учения Яссавийа было то, что оно являлось учением странников, не имевших самостоятельных ветвей и постоянных поселений, в котором существенная роль принадлежала религиозной практике, близкой древней религии тюрков» (Мустафина, 1992: 69). Благодаря этому, «традиция Яссавийа» (если включить в это понятие не только определенные суфийские общины, связанные с именем ходжа Ахмета Яссави, вместе с элементами учения и практики, приписываемые ему и позднесуфийским яссавийским общинам, но также и более широкое социальное, религиозное и литературное наследие этих общин) была воспринята гораздо более широкими кругами центральноазиатского общества и стала принадлежностью не просто узкой суфийской общины, но и самых широких слоев населения, в том числе и Жетысу. В этой связи интересно отметить, что конкурирующая с Яссавийа суфийская община Накшбандийа постоянно предпринимала попытки «присвоить» наследие ходжа Ахмета Яссави, например, представляя его как «тюркские аналоги» ходжаганских групп, и подчинить его своим интересам. Однако Яссавийа всегда существовала как независимая община, отмеченная широким разнообразием организационных и легитимных моделей, зачастую идущих вразрез образцам, принятым у Ходжаган-и Накшбандийа (сюда следует, прежде всего, отнести специфическую яссавийскую практику громкого зикра, в корне отличную от тихого зикра «зикр-и хафи» накшбандиев, ритуальные аспекты поклонения святым, связанные с родословной Яссави, модели общинных связей и наследственного шейхства, оказавших, в частности, прямое влияние на

многие явления в казахской духовной культуре, как, например, на проявление феномена *шежире* – «жетыата»). Спустя столетия, по приказу Тимура (1338-1405) над могилой ходжа Ахмета Яссави был построен величественный поминальный архитектурный комплекс «даргах», превративший город Туркестан в крупнейший религиозный центр.

Об огромной популярности этого духовного центра в казахском обществе свидетельствует то, что на его территории похоронены такие известные личности казахской истории, как хан Аблай (XVIII в.), хан Есим (XVII в.), хан Старшего жуза Жолбарыс (XVIII в.), отец казахского хана Ураз-Мухаммеда (XVI в.) и другие.

Почитание святого – это почти всегда почитание его гробницы. Именно в области почитания гробниц-мазаров, возведенных на могилах различных шейхов, аулийа (который всегда вызывал протест у ортодоксальных богословов), наиболее проявился религиозный синкретизм, присущий суфизму. Центральным ритуальным актом культа святых было паломничество к этим усыпальницам – зийарат (букв. «посещение»), практика которого существенно противоречила духу раннего ислама (против этого сегодня также активно выступает ваххабитское движение, борющееся за так называемую «чистоту» ислама) и возникла под очевидным влиянием местных религиозных верований далеких и близких предков казахов (шаманизма, зороастризма и северного буддизма). Задачи зийарата в сознании простого кочевника-скотовода редко имели целью совершение таинства «муракаба», то есть концентрация помыслов духовного общения с Богом, святым, пиром-наставником, а были вполне прозаически утилитарны: излечиться от болезни, сглаза, вымолить рождение сына, испросить достатка и т.п.

Формализация культа святых нашла свое отражение в производстве и ношении разнообразных амулетов, которые считались и оберегом, и лекарством, и вместилищем чудесной силы святого.

Со святыми связаны и многие этиологические легенды о происхождении водоемов, рек, гор. Такова, например, легенда о священном источнике «Райымбектин булагы», который забил на месте, где батыр, воитель с неверными-джунгарами воткнул свою саблю и попросил у Аллаха воды.

О том, насколько сросся культ святых с бытовой и хозяйственной деятельностью казахов, отвечая самым жизненным интересам народа, свидетельствует появление святых – патронов профессиональных занятий. Это, прежде всего, покровители животноводческих отраслей хозяйства: Камбар-ата – пир коневодов, Шопан-ата – покровитель овцеводов, Ойсыл-кара – патрон верблюдоводства и Зенги-баба – покровитель крупного рогатого скота. Специалисты единодушны во мнении, что за этими святыми стоят образы доисламских божеств. Например, у казахов Жамбылского района (подродшагатай) зафиксирован интересный факт – при первом отеле коровы готовится ритуальное блюдо из молозива уыз и произносится молитва-обращение о сохранении приплода к святому Зенги-ата. Подобные обряды, связанные с празднованием первого отела и приготовлением различных блюд из молозива, существуют и у многих тюрко-монгольских народов Центральной Азии, исповедующих ислам. Сегодня мы не знаем, какое древнее божество – «покровителя коров» заменил собой образ Зенги-ата, но он весьма примечателен тем, что в нем воплотилась реальная историческая личность – суфийский шейх с именем Зенги, что означает «черный». Зенги-ата был учеником Хаким-ата (Сулеймана Бакиргани), который в свою очередь был учеником ходжа Ахмета Яссави. Его мазар находится в одноименном кишлаке под Ташкентом. С ним у казахов Старшего жуза связывается интересная легенда о том, что при возведении мавзолея ходжа Ахмета Яссави Амир-Тимуром к нему во время сна явился «дух Хазрета» и повелел сначала построить мазар над могилой Зенги-ата, который когда-то удивил великого учителя тем, что, будучи годовалым ребенком, умел совершать молитвы. Учеником ходжа Ахмета Яссави считают и Шопан-ата. Имя Ойсыл-Кары возводится к

деятелю раннеарабского ислама Ваису-аль-Карани, Камбар-ата по одному из преданий был любимым и преданным слугой Пророка Али, ухаживавшим за его сказочными тулпарами.

Родоначальником казахских батыров являлся знаменитый Баба ТуктыШаштыАзиз (Баба Туклас). По одному из преданий казахов Старшего жуза в ислам его обратил сам Исхак-баба, потомок зятя Пророка Али, предок ходжа Ахмета Яссави в восьмом колене, после чего он стал одним из стойких и непримиримых борцов за веру. По мнению исследователей, в образе Шашты Азиза синкретически слились две традиции – арабская, богословно-мусульманская, и тюркская, фольклорно-рыцарская. Согласно первой ШаштыАзиз (полное имя ходжа Ахмед Тукти баба Азиз Баркай) был известным суфийским наставником, ведущим свою родословную от праведного халифа Абу Бекра. По второй он, прежде всего, великий воин, наделенный устрашаемым обликом («волосатый») и сверхъестественной силой, вождь племени, могущий противостоять даже воле ханов-чингизидов (любопытно, что обе эти мифологические стороны образа Баба Тукласа с успехом использовал в своей политике знаменитый «делатель золотоордынских королей» мангытскийбийЕдиге, считавший его своим прямым предком; соответственно, имена халифа Абу Бекра, шейха Баба Тукласа вошли в официальное генеалогическое древо российских аристократов – князей Юсуповых, обрусевших и крестившихся у ногайских мурз – потомков Едиге).

Многочисленные легенды и предания о ходже Ахмете Яссави оказали влияние на сложение и многих других образов святых юго-восточного Казахстана (святые Кара-Бура, Коктонды-ата, Мукум-Ата и т.д.). Особый интерес представляют святые – родоначальники, почитание которых было связано с жизнестойкостью у казахов многих патриархально-родовых институтов. Так, например, к числу наиболее известных подобных святых относится знаменитый батыр, родственник и современник ходжа Ахмета Яссави – Байдибек-ата и его мудрая жена Бибажар (Домалак-ана), чьи мазары до сих пор остаются объектом поклонения среди населения Старшего жуза. Согласно шежире, у Байдибека-ата и Домалак-ана был сын Жарыкшак, имевший трех сыновей – Албана, Суана и Дулата, ставших родоначальниками трех крупных казахских родов в составе Старшего жуза.

Суфийская традиция оказала огромное влияние и на казахское шаманство. Так, камлание казахского баксы «баксы ойын» буквально пронизано элементами суфийского радения «джахрия», громкого зикра «яссавийи», не оставившего в нем почти никаких элементов традиционного тюрко-сибирского шаманизма, известного по этнографической литературе. Это влияние особенно сказывалось на призываниях духов-помощников, которые начинались с откровенных мусульманских молитвенных формул. В первом ряду были призывания всех «святых на земле и под солнцем» («жер үстінде әулие, күн астында әулие»), к чьим духам обращались за покровительством казахские баксы. Например, с именем Коркут-ата стояло и имя Баба ШаштыАзиза. Казахские шаманки низовьев Чу и Северного Каратау, чьи молитвенные заклинания были записаны в конце прошлого века, прямо называли Баба ШаштыАзиза своим пиром-наставником, даже «отцом и дедом», явление которого ожидалось в будущем.

Любопытным примером приспособления шаманизма под ислам представляла собой колоритная фигура казахского дуаны, неоднократно привлекавшая к себе внимание путешественников XIX века. Одним из ярких и «наглядных» подтверждений этого проявленного интереса может служить известный рисунок художника П. Кошарова «Дуана Большой орды», сделанный им с натуры в районе Каркаринской долины в 1857 г. Дуаной (от тадж. «демона» – «одержимый дэвом», «бесноватый») в Средней Азии обычно называли юродивых и странствующих нищих, которых население причисляло к суфиям (тассаввуфахлинингкшилари). Это о них сложил строки еще в XI веке знаменитый поэт Баба Тахир:

«Я – бродячий мистик (дервиш и каландар).

Нет у меня ни очага, ни дома, ни обители.
Днем блуждаю я по свету, а по ночам
Сплю, подложив камень под голову».

Однако казахского и кыргызского дуану дореволюционные исследователи осторожно определяли как «нечто среднее между настоящим общемусульманским дувана, или дервишем, и степным киргизским баксы, ...ближе к бухарским дервишам накшбенди...» (Северцев, 1947: 46). Несмотря на многие общие черты, сближающие фигуру казахского дуаны с его среднеазиатским сородичем, – и тот и другой «жил подаянием, отчасти юродствовал, отчасти предсказывал будущее, несколько был и знахаре...», – такая «двойственная» интерпретация его образа была вполне оправдана и справедлива.

Выводы

Как видно из вышеизложенного, ислам в Жетысу в рассматриваемый период распространялся в форме суфийских учений, проводниками которых являлись среднеазиатские исламские проповедники и миссионеры. В результате уже к XVI-XVII вв. в регионе сложилась уникальная синкретическая культура, вобравшая в себя ислам и домусульманские традиции местного населения (называемая сегодня специалистами «народным исламом»), которая объективно отвечала социальным и этническим процессам, происходящим в обществе, и в известной степени способствовала социально-политической стабильности и дальнейшей консолидации народа, что можно, безусловно, считать благотворным и прогрессивным для общества той эпохи. К числу положительных моментов этого процесса следует отнести также приобщение населения региона к достижениям культуры, науки и искусства средневекового мусульманского Востока.

Статья подготовлена в рамках проекта «Разработка концепции и создание музейной экспозиции «Культура и религия на Великом Шелковом пути»». ИРН: BR0644948.

Список литературы

- Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. – Москва, 1966. Соч. том 6. – 402 с.;
Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. Алма-Ата. Казахское объединённое Государственное издательство, 1947. – 390 с. – [Электронный ресурс] – URL: <http://bibliotekar.kz/kazakhstan-v-20-40-gody-xix-veka-e-bekmah/glava-2-socialnye-otnoshenija-kazahov.html>;
- Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4 – Алма-Ата, Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985, – С. 14-27;
- Гавердовский Я.П. «Прибавление к дневным запискам доктора 7-го класса Большого» // История Казахстана в русских источниках в 12 томах – Алматы, «Дайк-пресс», 2005;
- Геннеп А. Обряды перехода. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 198с.;
- Геродот История в девяти книгах. / Перевод и примеч. Г.А. Стратановского. 4 кн. Л.: Наука, 1972. – 600 с.;
- Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность, 2009. – № 2. – С. 47.;
- История Алматы, Том 1, Алматы: Credo, 2006. 372с.;
- Мухаммад Хайдар. Тарих-и-Рашиди. Изд. 2-е. – Алматы, 1999. – 652 с.;
- Мустафина Р.М. «Представления, культы, обряды у казахов» – Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. – 176 с.;
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. Пер. с нем. Примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. – М.: Наука, 1989. – 749с.;
- Северцев Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю. – Москва, 1947. – – С. 246;
- Суворова А. Мусульманские святые Южной Азии. Москва, 1999, с.260;
- Султангалиева Г.С., Далаева Т.Т., Удербаяева К.С. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв.ред. Г.С. Султангалиева. – Алматы: Казак университеті, 2014. – 418с.;
- Тернер В. Символ и Ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277с.;
- Толлеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов: (XIX - нач. XX в.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 213с.;
- Тримингем Д.С. Суфийские ордена в исламе. – Москва, 1989. – 289с.;
- Фазлаллах ибн Рузбихани. Михнамейи Бухара. – Москва, 1976. – 489 с.;
- Шварц Ф. «Туркестан – ветка индогерманских народов» // История Казахстана в западных источниках в 12 томах. – Алматы, 2006. – Том 5. – С.175-238.

References

- Bartol'd V.V. Teokraticeskaya ideya i svetskaya vlast' v musul'manskom gosudarstve. – Moskva, 1966, soch. tom 6. – 402 s.; [in Russian]
- Bekmakhanov E. Kazakhstan v 20-40-e gody XIX veka. – Alma-Ata. Kazakhskoe ob'edinyonnoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1947 – 390 s. – [Elektronnyy resurs] – URL: <http://bibliotekar.kz/kazakhstan-v-20-40-gody-xix-veka-e-bekmah/glava-2-socialnye-otnoshenija-kazahov.html>; [in Russian]
- Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochinenij v pyati tomakh. Tom 4 – Alma-Ata, Glavnaya redakciya Kazakhskoj sovetskoj enciklopedii, 1985, – S. 14-27; [in Russian]
- Gaverdovskij Ya.P. «Pribavlenie k dnevny'm zapiskam doktora 7-go klassa Bol'shogo» // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh v 12 tomakh. – Almaty, «Daik-press», 2005; [in Russian]
- Gennep A. Obryady` perekhoda. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 1999. – 198 s.; [in Russian]
- Gerodot Istoriya v devyati knigakh. / Perevod i primech. G.A. Stratanovskogo. 4 kn. – L.: Nauka, 1972. – 600 s.; [in Russian]
- Ionov I.N. Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyj diskurs // Istoriya i sovremennost', 2009. # 2. S. 47.; [in Russian]
- Istoriya Almaty`, Tom 1, Almaty: Credo, 2006, 372s.; [in Russian]
- Mukhammad Khajdar. Tarikh-i-Rashidi. Izd. 2-e. – Almaty, 1999. – 652 s.; [in Russian]
- Mustafina R.M. «Predstavleniya, kul'ty, obryady` u kazakhov» Alma-Ata: «Kazak universiteti», 1992. – 176 s.; [in Russian]
- Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranicy` dnevnika. Per. s nem. Primech. i poslesl. – S. I. Vajnshtejna. – M.: Nauka, 1989. – 749s.; [in Russian]
- Severczev N.A. Puteshestvie po Turkestanskomu krayu. – Moskva, 1947. – S. 246; [in Russian]
- Suvorova A. Musul'manskije svyaty`e Yuzhnoj Azii. – Moskva, 1999. – S.260; [in Russian]
- Sultangalieva G.S., Dalaeva T.T., Uderbaeva K.S. Kazakhskie chinovniki na sluzhbe Rossijskoj imperii: sbornik dokumentov i materialov / otv.red. G.S. Sultangalieva, – Almaty: Kazak universiteti, 2014. – 418 s.; [in Russian]
- Terner V. Simvol i Ritual. – M.: Nauka, 1983. – 277s.; [in Russian]
- Toleubaev A. T. Relikty` doislamskikh verovanij v semejnoy obryadnosti kazakhov: (XIX - nach. XX v.). – Alma-Ata: Gy'ly'm, 1991. – 213s.; [in Russian]
- Trimingem D.S. Sufijskie ordena v islame. – Moskva, 1989. – 289s. [in Russian]
- Fazlallah ibn Ruzbikhani. Mikhnameji Bukhara. – Moskva, 1976. – 489s.; [in Russian]
- Shvarcz F. «Turkestan – vetka indogermanskikh narodov» // Istoriya Kazakhstana v zapadny`kh istochnikov v 12 tomakh. – Almaty, 2006. – Tom 5. – S.175-238. [in Russian]

МАЗМҰНЫ

Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В. РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ТАРИХИ ЖАДЫ ПАНТЕОНЫНДАҒЫ ИДЕОЛОГИЯЛЫҚ АРХЕТИПТЕРДІҢ ШЕЖІРЕСІ.....	5
Алдажұманов Қ.С., Асанова С.Ә. ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҰЛТТЫҚ ӘСКЕРИ ҚҰРАМАЛАРЫ ТУРАЛЫ.....	13
Ауэзов Е.К., Сыдыков А.Ж., Крупко И.В. ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫСЫНДАҒЫ ХАЛҚЫНЫҢ ИСЛАМ ДІНІН ҚАБЫЛДАУЫ ТУРАЛЫ.....	30
Аяған Б.Ғ., Сатанов А.Б. ҚАЗАҚСТАН МЕКТЕПТЕРІНІҢ ОҚУ ӘДЕБИЕТТЕРІНДЕ ҰЛЫ ОТАН СОҒЫСЫ ТУРАЛЫ ТАРИХИ ЖАДЫНЫ ЖАҢҒЫРТУ.....	41
Далаева Т.Т. РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ШЕНЕУНІКТЕРІНІҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІНДЕГІ МАРАПАТТАРЫ (XIX – XX ғасырдың басы).....	55
Жүнісханов А.С., Дупью П. Доумани КӨКЕНТАУ ЖӘНЕ СЕМЕЙТАУ ТАУ МАССИВТЕРІНДЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ БАРЛАУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ.....	70
Кишкенбаева Ж.К., Маслов Х.Б., Қозыбаева М.М. XVIII – XIX ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ЕУРОПАЛЫҚ ЖӘНЕ РЕСЕЙЛІК ҒАЛЫМДАРДЫҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ТҮРКІ ФОЛЬКЛОРЫН ЗЕРТТЕУДІҢ АЛҒАШҚЫ КЕЗЕҢДЕРІ.....	79
Қасымова Д., Құдайбергенұлы Б. МЕКТЕПТЕГІ ТАРИХ ПӘНІ ОҚУЛЫҚТАРЫ НЕГІЗІНДЕ БІРЕГЕЙЛІКТІҢ ҚАЛЫПТАСУЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ (ӨЗБЕКСТАН ОҚУЛЫҚТАРЫ МЫСАЛЫНДА).....	90
Лапин Н.С., Аканов Қ.Ғ. 2000-ШЫ ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН-РЕСЕЙ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ТАРИХНАМАДА.....	100
Матыжанов К.С. ДӘСТҮРЛІ МӘДЕНИЕТТЕГІ БАЛАНЫҢ ДҮНИЕГЕ КЕЛУІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ ЕЖЕЛГІ РӘСІМДЕР.....	118
Матыжанов К.С. ҚАЗАҚ ҒҰРЫПТЫҚ ФОЛЬКЛОРЫНДАҒЫ ТАРИХ ПЕН МӘДЕНИЕТ КӨРІНІСІ.....	130
Молдақимов А.С., Сыздықова А.М., Жантоқова Г. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПАВЛОДАРДАҒЫ МЕТОДИКАЛЫҚ ШІРКЕУДІ ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫ.....	143
Мұхатова О.Х. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЛИТВАЛЫҚТАР.....	154
Опабекова Г.П. X-XII ҒАСЫРЛАРДАҒЫ РУХАНИ ЖӘНЕ ӘДЕБИ МҰРАЛАР ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ҚАЗІРГІ КЕЗДЕГІ МАҢЫЗЫ.....	165
Садвокасова З.Т. АДЫГЕЙЛІКТЕРДІҢ РУХАНИ ӨМІРІ МӘСЕЛЕЛЕРІ БОЙЫНША ТАРИХНАМАСЫ.....	177
Сәкенов С.Қ., Қозыбаева М.М. ҚАЗАҚСТАННЫҢ СОЛТҮСІКТІК АЙМАҒЫНДАҒЫ ҚОЛА ДӘУІРІНІҢ ҚОНЫС КЕШЕНДЕРІНІҢ ТОПОГРАФИЯСЫ ЖӘНЕ ЛАНДШАФТЫ.....	189
Суйнова А.Т. XIX Ғ. БІРІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ САЯСИ ТЫҢШЫЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ.....	199
Тылахметова А.С. РЕСЕЙ АРХИВ ДЕРЕКТЕРІНДЕГІ АБЫЛАЙ ХАННЫҢ ІШКІ ЖӘНЕ СЫРТҚЫ САЯСАТЫНЫҢ КЕЙБІР ҚЫРЛАРЫ (1748–1772 ЖЖ.).....	211
Түлешова У.Ж., Галимов Е.А. XIX ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ҚОҒАМДЫҚ ЖӘНЕ МӘДЕНИ ӨМІРІНДЕГІ ҚАЗАҚ ДВОРЯНДАРЫНЫҢ РӨЛІ.....	226
Уалтаева А.С. ЖЕТІСУ ПЕТРОГЛИФТЕРДЫҢ ТАРИХНАМАСЫ.....	238

Хибина З.Н. ГЕНРИ БОЛИНГБРОКТЫҢ ҒЫЛЫМИ МҰРАЛАРЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ АҒЫЛШЫН АҒАРТУШЫЛЫҒЫНА ӘСЕРІ.....	245
Шамшиденова Ф.М. КӨШПЕЛІ ТАЙПАЛАРДЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІНДЕГІ АНТ БЕРУ РӘСІМДЕРІ: САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ.....	265
Шотанова Ғ.А., Ужкенов Е.М., Ермекбаев Ә.А. ПЕТРОВ ҚОҒАМЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БУКЕЙ ОРДАСЫНДА ХАЛЫҚТЫҚ БІЛІМ БЕРУДІҢ ДАМУЫ ТУРАЛЫ.....	276
Шілдебай С.Қ., Алдажұманов Қ.С. НҰРБАПА ӨМІРЗАҚОВТЫҢ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТІНІҢ ҚАЗАҚСТАН КЕЗЕҢІ.....	291
Ізбаиров А.К., Өжкенов Е.М., Шотанова Ғ.А. ҚАЗАҚТАРДЫ РЕСЕЙ БОДАНДЫҒЫНА ҚАБЫЛДАУДЫҢ НЕГІЗГІ АЛҒЫШАРТТАРЫ МЕН СЕБЕПТЕРІ.....	315

СОДЕРЖАНИЕ

Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В. ГЕНЕАЛОГИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ В ПАНТЕОНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	5
Алдажуманов К.С., Асанова С.А. О НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ КАЗАХСТАНА.....	13
Ауэзов Е.К., Сыдыков А.Ж., Крупко И.В. К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИИ НАСЕЛЕНИЕМ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА.....	30
Аяган Б.Г., Сатанова А.Б. ОСВЯЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ШКОЛ КАЗАХСТАНА.....	41
Далаева Т.Т. НАГРАДЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧ. XX ВВ.).....	55
Жунисханов А.С., Дупью П. Доумани РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНЫХ МАССИВОВ КОКЕНТАУ И СЕМЕЙТАУ.....	70
Кишкенбаева Ж.К., Маслов Х.Б., Козыбаева М.М. РАННИЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКОГО ФОЛЬКЛОРА В РАБОТАХ ЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ XVIII – XIX ВВ.....	79
Касымова Д., Құдайбергелұлы Б. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКОВ УЗБЕКИСТАНА).....	90
Лапин Н.С., Аканов К.Г. КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2000-Е ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	100
Матыжанов К.С. РЕЛИКТЫ ДРЕВНИХ РИТУАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ.....	118
Матыжанов К.С. ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КАЗАХСКОМ ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ.....	130
Молдакимова А.С., Сыздыкова А.М., Жантокова Г. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В КАЗАХСТАНЕ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ПАВЛОДАРЕ.....	143
Мухатова О.Х. ЛИТОВЦЫ КАЗАХСТАНА.....	154
Опабекова Г.П. ДУХОВНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАСЛЕДИЯ X-XII ВЕКОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ.....	165
Садвокасова З.Т. ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ АДЫГЕЙЦЕВ.....	177
Сакенов С.К., Козыбаева М.М. ТОПОГРАФИЯ И ЛАНДШАФТ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА.....	189
Суйнова А.Т. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	199
Тылахметова А.С. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АБЫЛАЯ В РОССИЙСКИХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ (1748–1772 ГГ.).....	211
Тулешова У.Ж., Галимов Е.А. РОЛЬ КАЗАХСКИХ ДВОРЯН В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСКОГО НАРОДА В XIX В.....	226
Уалтаева А.С. ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ЖЕТЫСУ.....	238

Хибина З.Н. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.БОЛИНГБРОКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИ).....	245
Шамшиденова Ф.М. ПРОЦЕДУРА ПРИСЯГИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	265
Шотанова Г.А., Ужкенов Е.М., Ермекбаев А.А. МАТЕРИАЛЫ ПЕТРОВСКОГО ОБЩЕСТВА О РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БУКЕЕВСКОЙ	276
Шилдебай С.К., Алдажуманов К.С. КАЗАХСТАНСКИЙ ПЕРИОДОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НУРБАПЫ УМУРЗАКОВА.....	291
Избаиров А.К., Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А. ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ПРИВЕДЕНИЯ КАЗАХОВ В РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО.....	315

CONTENTS

Abylkhozhin Zh.B., Krupko I.V. GENEALOGY OF IDEOLOGICAL ARCHETYPES IN THE PANTHEON OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE RUSSIAN EMPIRE.....	5
Aldazhumanov K., ASANOVA S. ON THE NATIONAL MILITARY FORMATIONS OF KAZAKHSTAN	13
Auezov E.K., Sydykov A.Zh., Krupko I.V. ON THE ISSUE OF THE ADMISSION OF THE ISLAM BY THE POPULATION OF THE SOUTH-EASTERN KAZAKHSTAN.....	30
Ayagan B.G., Satanov A.B. DEDICATION OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE EDUCATIONAL LITERATURE OF KAZAKHSTANI SCHOOLS.....	41
Dalayeva T.T. AWARDS IN THE EVERYDAY LIFE OF KAZAKH OFFICIALS IN THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – EARLY XX CENTURIES).....	55
Zhuniskhanov A.S., P. Dupuy Doumani PRELIMINARY RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN THE KOKENTAU AND SEMEYTAU MOUNTAINS.....	70
Kishkenbaeva Zh.K., Maslov Kh.B., Kozybayeva M.M. EARLY STAGES OF THE STUDY OF TURKIC FOLKLORE IN THE WORKS OF EUROPEAN AND RUSSIAN SCIENTISTS OF THE XVIII-XIX CENTURIES.....	79
Kassymova D., Kudaibergenuly B. ON SOME ASPECTS OF IDENTITY FORMATION THROUGH HISTORY TEXTBOOKS (TEXTBOOKS OF UZBEKISTAN.....)	90
Lapin N., Akanov K. KAZAKHSTAN-RUSSIAN RELATIONS IN THE 2000S. IN MODERN HISTORIOGRAPHY	100
Matyzhanov K.S. RELIQS OF ANCIENT RITUALS ASSOCIATED WITH CHILDBIRTH IN THE TRADITIONAL CULTURE.....	118
Matyzhanov K.S. REFLECTION OF HISTORY AND CULTURE IN KAZAKH RITUAL FOLKLORE.....	130
Moldakimova A., Syzdykova A., Zhantokova G. MULTICULTURALISM IN KAZAKHSTAN: THE HISTORY OF METHODICAL CHURCH FORMATION IN PAVLODAR.....	143
Mukhatova O.Kh. THE LITHUANIANS OF KAZAKHSTAN.....	154
Opabekova G.P. SPIRITUAL AND LITERARY HERITAGES OF THE X-XII CENTURIES AND THEIR VALUES FOR MODERNITY.....	165
Sadvokassova Z.T. HISTORIOGRAPHY ON THE ISSUE OF THE SPIRITUAL LIFE OF ADYGHE PEOPLE.....	177
Sakenov S.K., Kozybayeva M.M. TOPOGRAPHY AND LANDSCAPE OF THE BRONZE AGE SETTLEMENT COMPLEXES IN THE NORTHERN REGIONS OF KAZAKHSTAN.....	189
Suinova A.T. POLITICAL INTELLIGENCE SERVICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN CENTRAL ASIA IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY.....	199
Tylakmetova A. SOME ASPECTS OF ABYLAI'S INTERNAL AND FOREIGN POLICY ACCORDING TO RUSSIAN ARCHIVAL SOURCES (1748–1772).....	211
Tuleshova U., Galimov Y. THE ROLE OF KAZAKH NOBLES IN THE SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF THE KAZAKHS IN THE XIX CENTURY.....	226

Ualtayeva A.S. HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF ZHETYSU PETROGLYPHS.....	238
Khibina Z. H. BOLINGBROKE'S SCIENTIFIC LEGACY AND THEIR INFLUENCE ON THE ENGLISH ENLIGHTENMENT.....	245
Shamshidenova F.M. OATH PROCEDURES IN THE EVERY DAY LIFE OF NOMADIC TRIBES: COMPARATIVE ANALYSIS	265
Shotanova G.A., Uzhkenov E.M., Ermekbaev A.A. MATERIALS OF THE PETROVSK SOCIETY ON THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION IN BUKEEVSK	276
Shildebay S., Aldazhumanov K. KAZAKHSTAN PERIOD OF PUBLIC-POLITICAL AND STATE ACTIVITIES OF NURBAPA UMURZAKOV.....	291
Izbairov A.K., Uzhkenov E.M., Shotanova G.A. THE MAIN PREREQUISITES AND REASONS FOR BRINGING KAZAKHS TO RUSSIAN CITIZENSHIP.....	315

EDU.E-HISTORY.KZ

электрондық ғылыми журналы 2020. 3(23)

Бас редактор:
Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген:
Зикирбаева В.С.

Жарияланған күні: 30.09.2020.
Пішімі 70x100/16. Баспа табағы 26,6.

Құрылтайшысы және баспагері:
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:
050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
ШЖҚ РМКТел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Е-mail: edu.history@bk.ru.
Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТжЭИ басылған:
050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй